

НИКА ГОРБИК

ГАДКАЯ ИСТОРИЯ
ВИВЬЕН БАРТЛЕТТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ника Горбик

Гадкая история Вивьен Бартлетт

«Автор»

2026

Горбик Н.

Гадкая история Вивьен Бартлетт / Н. Горбик — «Автор», 2026

Что должна сделать женщина эпохи условностей и запретов, чтобы попасть в рабство? А что она должна сделать, чтобы попасть туда по собственной воле? Вивьен Бартлетт - падшая женщина. Она соблазняет возлюбленных сестры, рушит судьбы, доводит мужчин до отчаяния и заставляет завидовать даже самых безупречных леди. Грязная вертихвостка. Проститутка. Ведьма. Отец выдал Вивьен Бартлетт замуж за нищего старика и спрятал в деревенской глуши — подальше от костров, которые снова жгут в городах. Теперь её мир — дряхлые руки мужа по ночам, рыжая племянница в передней, грязки и посуда. И письма от сестры Бетти, единственного человека, по которому Вивьен скучает. Однажды Бетти придет в гости. И привезёт с собой нечто такое, чего Вивьен никак не ждала. Тёмный, чувственный роман о женском теле, как о судьбе. Здесь — история падений, отчаяний, низких поступков и, конечно, всепоглощающей любви. История злой, завистливой, желанной и, несмотря ни на что, по-настоящему свободной женщины.

© Горбик Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Качели	5
Глава 2. Краски	7
Глава 3. По-сестрински	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ника Горбик

Гадкая история Вивьен Бартлетт

Глава 1. Качели

«Наверное, я никогда не переставала любить Бетти — даже когда целовалась с её Джейми. Или когда вводила у неё Стюарта. И ещё, когда специально затягивала корсет потуже, чтобы моя грудь казалась больше на её именинах. Ведь там был ухажёр Бетти — Тедд. Я помню: в тот день мы затаились в саду. Он так долго наглаживал мою грудь, что я, сама не зная зачем, решила показать ему сосок. Тедд поцеловал его. Мне захотелось скрестить ноги. И ещё мне стало стыдно. Мы вернулись. Бедная Бетти — у неё такая маленькая грудь...»

Бюст Вивьен Бартлетт действительно был внушительнее, чем у её младшей сестры. Эта грудь нравилась и Гарету Мортю — её нынешнему мужу. Полная, мягкая, с крохотным соском бледно-розового цвета. По ночам она едва умещалась в его ладони. Для своих лет Гарет слишком часто требовал от Вивьен тех уединений, что полагаются только жене и мужу, — практически каждую ночь. И всякий раз она вспоминала Тедда. Она не любила его и даже не скучала. Дело было в том, что с Теддом ей было щекотно внизу, а с Гаретом — нет. Не стоило тогда внимать совести и возвращаться к Бетти. Интересно, сейчас ей так гадко потому, что Гарет противен? Или просто никто, кроме Тедда, не может сделать ей щекотно?

Тедд Ганди погиб восемь месяцев назад, и грудь Вивьен Бартлетт стала единственной женской грудью, которую он успел поцеловать. Если бы не её грудь, если бы не вечер в саду, не именины Бетти и не тугой корсет... Тедд Ганди, возможно, остался бы жив. Он мог жениться на Элизабет Бартлетт — у него были все шансы, Бетти к нему благоволила. Мог бы прожить с ней лет сорок пять или пятьдесят, завести четверых белобрысых детей и тайком бегать к проституткам — из раздражения по поводу с голами расвирепевшей и разбухшей жены. И так, к груди Бетти прибавить около двадцати грудей неплохих шлюх, да ещё примерно тройку от светских романов. Итого, за всю свою жизнь Тедд Ганди мог бы выласкать двадцать четыре пары грудей. Но он поцеловал только сосок Вивьен Бартлетт. Нет, не будь именин Бетти и всего прочего — эта дьяволица всё равно попала бы ему на глаза, ведь в ту пору Вивьен нельзя было не заметить. До чего хороша запретная и манящая старшая сестра совершенной и скучной Бетти Бартлетт! Завистливые молодые леди называли Вивьен черноволосяй дрянью, светские старушки — бессовестной вертихвосткой.

«Младшая дочь Бартлетта куда красивее и улыбчивее старшей. Что такого надо давать мужчинам, чтобы уводить каждого из-под носа Бетти?» — так напевали дурнушки Дил и Копи.

«Смотри-ка, это же твоя Вивьен Бартлетт! — поддевал Дага Харрисона его младший брат. — Ты тут слюни распускаешь, а чтобы понюхать у неё под хвостом, надо всего то приударить за симпатяжкой Бетти.»

«Нет-нет, я люблю Вивьен всем сердцем. Всё остальное — мы ещё совсем молоды», — повторяла Бетти, когда её пытались пожалеть.

Вивьен любила мужчин и жила по сердцу. Её не хватало надолго. Наскучил и Тедд Ганди. А у бедолаги вздрагивали колени, едва он слышал сплетни об очередной выходке Вивьен — будто бы она, незамужняя, лишилась девственности прямо в библиотеке мистера Купера. Тедд всё гонялся за ней и молил о пощаде, но встречал её холодный, презрительный взгляд — женщины слишком жестоки к тому, что их утомляет.

Итак, восемь месяцев назад Тедд Ганди застрелился и оставил записку, в которой винил, проклинал и любил Вивьен Бартлетт. Вернёмся к арифметике: к подпорченной репутации Вивьен прибавим непростые для молодых дам времена, а также убитого горем и мстительного

отца Тедда, всё это умножим на ведомого главу семьи Бартлеттов. И в довесок — аксиома от общества: если женщина, которая кружит голову многим мужчинам — проститутка, то женщина, которая кружит голову многим мужчинам и доводит одного до самоубийства — ведьма.

И вот итог: Тедд Ганди погиб восемь месяцев назад — от руки ведьмы. А через месяц Вивьен Бартлетт стала женой нищего фермера пятидесяти двух лет. Всё лучше, чем предаваться огню.

Теперь у Гарета Морта была молодая, пышногрудая жена и пятнадцать гектаров земли, скрытых от ближайших соседей добрыми двадцатью милями поросших травой дорог. В своё время он проматывал крохотный заработок в пабах, особо не задумываясь о женитьбе, жил в скромной лачужке и зарабатывал разными способами: убирал за скотом, помогал с прополкой и сбором урожая, ставил заборы. О бутылке пришлось забыть из-за племянницы Конни. Её мать работала проституткой и при жизни высылала деньги в интернат, а когда подцепила сифилис, написала брату письмо: «Конни едет к тебе. Скоро за школу платить будет некому».

С тех пор Гарет не ходил в паб. Забота о другом человеке пришлась ему по душе, и жизнь его наполнилась радостью. Жалел он только о том, что Конни приходится жить в таком маленьком, убогом домике.

Однажды Френк Бартлетт нанял Гарета, чтобы тот смастерил качели в саду. На следующий день он отвлек его от работы, попросив жениться на Вивьен, и богобоязненно не стал утаивать, что та — ведьма. За женитьбу господин пообещал купить неплохую ферму. Гарет не был суеверным и легко согласился. Тем же вечером он пришёл домой и поблагодарил Бога за жену и приличный дом для Конни.

А качели у него получились неплохие. Вивьен всё смотрела на них и смотрела, и в её памяти они навсегда остались символом переломанной судьбы.

Глава 2. Краски

Близился вечер. Конни сидела на низкой табуретке в передней и щипала петуха. В той же комнате — её постель и кухонный уголок, до которого теперь сузилась жизнь Вивьен. Она с ленцой полоскала тарелки в тазу и ставила их ребром на сухую тряпку. В её руках дело шло медленно, от усталости глаза слипались. Прошлой ночью Гарет долго не унимался и не давал ей спать — знал, что у неё скоро женское время, и лез, пока хватало сил. По его задумке ребёнок должен был родиться уже через год после покупки фермы, а на деле Вивьен целых семь месяцев не могла забеременеть. Теперь она волновалась. После Гарета грудь потяжелела и болела по-особому. Соски жгло, едва они касались ткани сарафана. От незнания Вивьен думала, что пришло молоко, а значит — у Гарета получилось. За сегодня она трижды бегала посмотреть, не идёт ли белая жидкость. Ничего. Но это не успокаивало. Мысленно она унижала мужа: «Старается. Надо же, как старается — ребёнка ему подавай. Ещё бы: скоро Гуверы достроятся, а у них молодой сын, да и отец вполне ничего. Гарет не дурак. Решил, что с ребёнком на руках я никуда не денусь. Бедный, наивный Гарет. Не через год, так через два — способ найдётся. Неужели он вообразил, что я проведу всю жизнь под его дряхлым телом? А ребёнок... Господи, как он будет кричать. Пусть сам и нянчится, раз так ему хочется. Я этого не вынесу».

От негодования она чуть не до крови искусала губы. Тем временем гора посуды, как в наказание, будто не уменьшалась. А посмотришь на Конни — раз щипнула, два щипнула, и петух уже голый. Всё у неё выходило ловчее, чем у Вивьен. А на вид и не скажешь: вся худенькая, серая кожа, тонкие бледные губы. Живости её образу придавали лишь веснушки и рыжие волосы. Этот цвет напоминал Вивьен крашенные, поржавевшие шевелюры куртизанок, которые попадались на любой обшарпанной улочке её родного города. Впрочем, одна только рыжина не могла сблизить Конни с подобными женщинами. Природа обделила её даже фальшивой грацией проститутки. И всё же, по мнению Вивьен, нищенская простота и наивность Конни могли привлечь мужчину.

Конни ступала тяжёлыми, но быстрыми шагами, создавая звук отдалённого нашествия великанов, и имела деревенские, глуповатые черты лица, во многом напоминавшие Гарета. Сейчас эти черты раздражали Вивьен — она уже давно заметила, что Конни хочет заговорить, но не решается. Вивьен спросила первой:

— Что хотела?

— Я... хотела попросить. Нет, сначала спросить... Так вот...

— Ну же!

— Ты взаправду ведьма?

— Глупости. С чего взяла?

— Врёшь. Дяде Гарету про тебя все говорили.

— И ты сразу поверила? Детёныш...

— Привёл бы дядя Гарет милую даму — я бы и не подумала. А ты совсем не милая. Ты никогда не улыбаешься — и взгляд у тебя старый и злобный. А волосы — будто ты их в грязи выкупала, чёрные-чёрные! Ты меня не любишь, я вижу. А меня все любят. Дядя Гарет любит, учителя любили, мама любила — все кругом. Всем я нравлюсь, а тебе нет.

— Нет. Я к тебе ничего не чувствую. Хотя... знаешь что? Да. Ты меня раздражаешь, Конни, — уронила Вивьен.

— Вот-вот! Значит, всё-таки ведьма?

— Нет, а потому, что ты к этой жизни прикипела. Всё тебе хорошо: домик, две каморки, скотинка, грязная работа. Ты ничего лучше не видела и счастлива. Твоё это место, твоё. И всё у тебя здесь спорится, правда спорится! А я должна была пойти за богатого и менять любовников

как перчатки. Но меня закинуло к тебе в нищету. И нет у меня здесь покоя, а у тебя, мерзавки, — есть.

Конни посмотрела на Вивьен глазами слабоумного телёнка и вдруг усмехнулась.

— Только ведьмам любовники нужны, и только ведьмы других мерзавками зовут! Ну колись уже, Вивьен, я ведь никому... Я для себя.

— На кой чёрт тебе ведьма?

— А тут ни одного парня нет, — прошептала Конни, смутившись. — А мне ведь уже пятнадцать. Я хочу влюбиться и замуж. Приведи мне хорошего жениха...

Вивьен помрачнела. За что же все так любят эту Конни? Эгоистичную, безжалостную девчонку! Как она может просить о счастье, о любви, о хорошем мужчине? У кого она об этом просит? У женщины, чья жизнь кончена?

— Нет в браке никакого женского счастья, — ответила Вивьен. — Твой жених будет блудливым скотом, потому что ты, Конни, далеко не красавица. Да если бы и была. Мужчины все одинаковы.

— Не брехала бы! Дядя Гарет ведь не такой!

— Гарет-то? Пропитой старик, кому он нужен.

— Лгунья! Я знаю, что вы с ним по ночам делаете, а потом вот так про него говоришь! — ответила Конни и крепко сжала в кулаке шею мёртвого петуха.

— Потому что твой любимый дядя с меня по ночам не слезает. Вот что бывает в браке: хочешь не хочешь — всё зависит от этого старого тела. А не заткнёшься — такого же старика к тебе приворожу, будешь знать.

— Ты всё врешь! Врешь! — сорвалась Конни, швырнула петуха и выскочила за дверь.

К ночи у Вивьен разболелся живот. В дом она не шла — надеялась, что Гарет уснёт и не тронет её. Решила утром соврать, будто долго доила корову. На самом же деле она сидела на скамейке у коровьего сарая. Рядом стояло ведро со свежим молоком; Вивьен медленно опускала в него пальцы и вынимала обратно — назло семейству Мортов. Вдруг она почувствовала между ног что-то тёплое, поскорее задрала юбку, провела рукой по внутренней стороне бедра и посмотрела на ладонь. Кровь. Какое облегчение испытала Вивьен! Как чудесно принадлежать самой себе, а не убогому зародышу ненавистного мужчины. Она радостно взмахнула руками, подняла голову к смиловившемуся вечернему небу, посидела так ещё немного и пошла в дом.

В их с Гаретом комнате Вивьен увидела сколоченную детскую кроватку.

«Так вот где ты был... Чёрта с два!» — подумала она и посмотрела на мужа. Гарет спал. Вивьен тихонько переделась в ночную рубаху и легла.

«Только бы не вертеться, а то проснётся», — подумала она — и в ту же секунду ощутила щекой его дыхание. Гарет положил ладонь на её левую грудь и попытался притянуть к себе, но Вивьен убрала его руку и прошептала:

— На следующей неделе.

Он так протяжно вздохнул, что в этом вздохе слышно было, насколько стары и прокурены его лёгкие.

Гарет встал, зажёл свечу и сел в кресло — рядом со своим сегодняшним творением. Седые волосы на впалой груди поблёскивали от пламени. Он неотрывно смотрел на детскую кроватку. Глядя на эту картину, Вивьен струхнула, тоже поднялась, села на краю кровати и через полминуты сказала:

— У тебя золотые руки, Гарет. Прекрасно вышло. Видно, сейчас не время. Всё ещё будет.

Он презрительно посмотрел на неё.

— Знаешь, не верю я во всю эту брехню про колдовок, — начал он. — Но корова наша отелилась, кошка окотилась, кобыла с жеребёнком бегаёт — ток ты пустая. И вот чего я скажу. Он... — Гарет ткнул указательным пальцем вверх, — Он блудливых баб не любит и понести

им не даёт. Хошь кричи, мол, мне про твою барскую жизнь знать неоткуда. Да только слухом земля полнится, и в низах уши тож есть. И слышал я, девка: в ту пору тебя не имел ток я да пёс на привязи.

— Вот как ты, значит, думаешь. Дело твоё. Только ты вспомни, Гарет: корова понесла от годовалого быка, а кобыла — от молодого жеребца. Тебе пятьдесят три. Твоё время прошло. Да и на что тебе дети? Что у них будет? Старик-отец, гулящая мать, эта гнилая лачуга? Разве тебе их не жаль?

У Гарета дрогнула челюсть. Он подскочил к Вивьен и дал ей пощёчину. Она едва не упала, но замерла и не взглянула на него. Он лёг и уснул. А Вивьен снова не спала. Всю ночь ей казалось, будто тело её сдавливает большая стальная коробка, и она думала:

«Как же долго мне мучиться, как же долго. А потом смерть. Нет, не хочу. Не хочу умирать. Как же страшно. Как же хочется к моей Бетти. Мне до неё теперь и не дотянуться. Как мне жить без Бетти. Страшно, страшно. Мне страшно».

Вивьен хотелось лечь на пол и превратиться в самую скрипучую половицу, по которой раз за разом проходились бы Гарет и Конни.

Следующим утром Конни окончательно убедилась, что Вивьен — ведьма. Причём сговорчивая: впервые за долгое время на ферме она увидела чужое молодое лицо, — и лицо почтальона показалось ей куда красивее, чем было на самом деле. Мужчина среднего роста в коричневом берете протянул ей письмо, присланное Вивьен от некой Элизабет Харрисон.

— Вы станете приносить нам ещё письма? — спросила Конни, забирая конверт из смуглых мужских рук.

— Вряд ли это случится скоро, мисс, — ответил почтальон. — Письмами вас не жалуют. Пускай миссис Морт поскорее напишет ответ — быть может, тогда появится и новое письмо от миссис Харрисон.

— И вы придёте к нам за её ответом?

— Увы, мисс. Я могу только вручать.

— Ах, вот как... — поникла Конни. — Она ведь сама никогда его не отправит, мистер. Мне бы её уговорить...

Конни и сама не поняла, что поднялось тогда в её худенькой детской груди. Несогласие с таким концом встречи толкнуло её — и она невольно пустила в ход то единственное оружие, которое снисходительно отметила в ней Вивьен. Чуть намокшие карие глаза поднялись на почтальона, — и ему ничего не оставалось, как пообещать приехать за письмом через неделю.

Конни вприпрыжку перемахнула через щербатый порог и влетела в дом. Вивьен сидела на дубовой скамье, прямая, как тросточка, и штопала рубаху Гарета.

— А ты всё-таки привела ко мне мужчину, Вивьен! Я так и знала, что ты поколдуешь. Спасибо! Спасибо! — пролепетала Конни и подседа рядом. — А вот тебе и благодарность, грозная дама. — Она помахала конвертом перед Вивьен, словно веером.

Вивьен на неё и не взглянула.

— Что это за письмо, Конни?

— От Элизабет Харрисон. Кто она такая? Ты напишешь ей ответ?

— Я не знаю никакой Элизабет Харрисон. И переписки вести мне некогда. О каком мужчине ты говоришь?

— Он принёс письмо. У него такая смешная коричневая шляпа. Он сказал, что через неделю придёт за твоим ответом.

— Таких людей называют почтальонами, Конни, — сказала Вивьен. — Он молодой? Красивый?

— Ну, он постарше меня, только совсем чуть-чуть. Это ведь хорошо. Мама говорила, муж должен быть старше жены. И красивый-красивый — красивее я, кажется, никого не видала.

Вивьен на мгновение ревностно поджала губы. Казалось, никогда раньше присутствие рыжей неказистой девчонки не раздражало её так сильно. Вивьен даже почудилось, что тело её дымится от каждого лишнего мгновения, в которое Конни сидит рядом.

— Оставь письмо и ступай. Прочту позже. Картофель зарастает — сегодня надо прополоть. Не засиживайся.

«Элизабет Харрисон, — думала она, как только Конни ушла. — Конечно, это Бетти. Неужто успела выскочить замуж за задаваку Дага Харрисона? И года не прошло с тех пор, как он выклянчивал у меня танцы. Плохо же ты, оказывается, разбираешься в мужчинах, Бетти. Харрисон... Морт... Какие дурацкие фамилии у наших мужей. То ли дело — Бартлетт...

Ах, Элизабет Бартлетт, осталось ли от тебя хоть что-нибудь в том письме, которое я боюсь открыть? От меня — ни крошки».

Она отложила рубаху, распечатала конверт и взглянула на почерк. Это был почерк Бетти.

«Здравствуй, дорогая Вивьен. Как ты? Как здоровье? Как достаток? Прости, что так долго не писала тебе. Выудить твой новый адрес у отца оказалось не так-то просто. Если сказать правду, он совсем выжил из ума после твоего отъезда. Я никогда не видела его таким трусливым. Он больше не бывает на приёмах, не отвечает даже на приглашительные письма. Первые три месяца весь город только и судачил о неуважении Френка Бартлетта. На одном из вечеров ко мне подошла миссис Бейкер и выразила соболезнования о кончине батюшки — представь, Вивьен, в каком положении я тогда оказалась. Отец был уверен, что твоё проклятие настигнет его, стоит ему только покинуть поместье. В последние дни он был ужасен, Вивьен. Мы совсем перестали с ним говорить. Он всё ходил по дому и бормотал чёрт знает что.

А потом я вышла замуж за Бена Харрисона — младшего брата того самого прилипалы Дага. Ты должна его помнить, Вивьен. Уверяю тебя, Бен совсем не такой, как его брат. Я ни в чём не обделена и люблю его больше, чем любила всех прежних моих ухажёров, вместе взятых. Теперь я каждый день молю Бога о ребёнке и верю, что совсем скоро буду ждать малыша.

Беспокоит меня лишь твоя судьба. Напиши, как ты живёшь, — и не лги ни о чём, прошу тебя. Я уговорила Бена: мы можем приехать к тебе на несколько дней. Жду ответа с приглашением и числом, в которое ты будешь нас ждать.

С любовью, твоя малышка Бетти».

Привязанность к младшей сестре Вивьен Бартлетт считала всем, на что была способна в любви. И потому, прочитав письмо от Бетти, она ощутила позабытый трепет и такой прилив сил, что в ту же ночь поставила Гарету условие: пока Бетти будет гостьей на ферме, никакой чёрной работы Вивьен на себя не возьмёт.

Глава 3. По-сестрински

Две недели ожидания пролетели вихрем, и к их концу приехала Бетти. На полном белом теле — шёлковое розовое платье, на белобрысой голове — длиннополая шляпка с перьями. А сбоку — очаровательный молодой муж. Вивьен позавидовала Бетти прежде, чем успела понять, как сильно по ней скучала. Зачем такое эффектное появление в деревне? Почему не оставила мужа дома? Назло. Она знала не понаслышке, как приятно вызывать женскую зависть. Признавала ли это сестра?

Сперва Бетти смутилась от настороженных взглядов Гарета и Конни, но через секунду широко улыбнулась. На короткое мгновение улыбка дрогнула — когда взгляд наткнулся на протёртое ситцевое платье старшей сестры.

— Здравствуй, Бетти, — сказала Вивьен негромко, не двигаясь с места за спиной Гарета.

— О, Вивьен! Как я рада тебя видеть, дорогая. Ты хорошо выглядишь. — Бетти шагнула к ней, обняла. — Ну же, ты, как всегда, не хочешь поцеловать сестрёнку! — И поцеловала сама. — Бен, познакомься: это Вивьен.

— Миссис Морт. — Бен склонился над её рукой с заученной лёгкостью. — Бетти описывала вас в таких красках, что я, признаться, шёл сюда с некоторой опаской.

Вивьен усмехнулась.

— Мой старший брат Даг, — добавил Бен, выпрямляясь, — передавал вам пламенный привет. И, кажется, что-то ещё — но я обещал забыть что.

Внешность и подача Бена выдавали его недостаток. В своё время Вивьен любила богатых мужчин больше остальных. Но теперь её не особо занимали ни бриллиантовые запонки, ни золотые карманные часы. Гладкая кожа, густые волосы, подтянутое тело — всё, что кричало о его молодости, — вот что по-настоящему её очаровывало. Как давно она не видела приятного мужчины. По ночам отдаваться бы ему, а не Гарету — и почему же повезло только сестре?

Гостей разместили в комнате Гарета и Вивьен. Хозяйева постелили себе перину в передней, рядом с кроватью Конни. Обед прошёл неловко, в молчании. К вечеру, однако, все успели друг к другу попривыкнуть. Настал ужин. Стол поставили во дворе. Конни приготовила жирные отбивные, рагу, вишнёвый пирог.

«Вкусно, — подумала Вивьен. — Благодарность за мальчишку-почтальона? Небось доест — и поминай как звали. Гарет хоть бы спросил, где она пропадает в последние вечера».

Все молчали. От ложек Гарета и Конни отскакивал стук зубов.

— Признаться, Гарет, вы отличный хозяин, — заговорил Бен. — И стол у вас славный. Хозяйство, должно быть, не подводит?

— Пойдёт. Спасибо тестю, — ответил Гарет.

— Дом, правда, тесноват. Но это дело поправимое.

— Я горжусь тем, что есть. Жена и то говорит, мол, отжил я своё. Какая тут стройка.

— Полно, Гарет. Женщины для того и созданы, чтобы пугать нас будущим. Стройтесь, пока время на вашей стороне.

— Может, вы и правы. Да только я сам разберусь, — отрезал Гарет. — Я пойду.

Он встал из-за стола и ушёл в дом. Следом ушла Конни. Снова настало неловкое молчание.

— Мистер Харрисон, — сказала Вивьен, — а как поживает Даг?

— Даг? — Бен развёл руками. — Даг поживает так, как поживают все младшие братья богатых людей, миссис Морт: шумно и в долг.

— Ах, да что с ним станется, — перебила Бетти. — Пьёт да дурит голову Кики Типсон. Эта глупышка так обрадовалась, когда ты вышла замуж! Думает: раз уж ты, так сказать, выбыла

из игры — Даг непременно достанется ей. Но не тут-то было. Бенджамин, — повернулась она к мужу, — всё же стоило взять Дага с собой. Уж мы бы показали этой мисс Типсон, где её место.

— Показали бы, — согласился Бен с лёгкой улыбкой. И уже ровнее прибавил: — Оставь, Бетти. Присутствие Дага было бы оскорблением для мистера Морта.

— Вот оно что, мистер Харрисон, — сказала Вивьен. — Вы, стало быть, беспокоитесь за Гарета. Напрасно. Он никогда не жил так хорошо, как сейчас. Чего не скажешь обо мне.

— Миссис Морт. — Бен покачал головой, изображая огорчение. — Я не знал, что в деревне принято исповедоваться гостям.

— В деревне, мистер Харрисон, много чего принято. Например, говорить, что думаешь. Это быстро надоедает, но поначалу имеет свою прелесть.

— Не сомневаюсь, — ответил Бен.

— До чего же жаль, мистер Харрисон, что вы не похожи на Дага. Теперь и развлечь меня будет некому.

— О, я как раз очень похож на Дага, — отозвался Бен. — Только трезвый.

Бетти метнула на сестру быстрый ревнующий взгляд. Насупилась и крепче приникла к мужу — обвила его руку, как надоедливая ласковая кошка.

«Да полно тебе, Бетти, — подумала Вивьен. — Уж сестре-то могла бы и позавидовать тихонько — а не хвататься за мужа, как за соломинку».

Вивьен улыбнулась ему тихой долгой улыбкой. Бен улыбнулся в ответ — и улыбка не опоздала.

— Ах, Бетти, что с тобой? — спохватилась Вивьен.

Она подбежала к пунцовой от ревности сестре и приложила ладонь к её лбу.

— У тебя, должно быть, жар, дорогая.

— Я в порядке, Вивьен, — прошептала Бетти, едва справляясь с ревностью и неуверенностью в себе.

— Нет, этот голос мне знаком. Тебе лучше прилечь. Я провожу тебя.

Возле комнаты Бетти сказала:

— Это всего лишь мигрень. Я приму порошок и сразу вернусь. Подожди меня, пожалуйста, здесь.

Она чмокнула Вивьен дрожащими губами — и заперла дверь.

Оставшись одна, Бетти не сразу отпустила дверную ручку. Постояла, прислушалась. Потом опустилась на колени перед дорожным саквояжем и, разворошив бельё, достала маленький коричневый стеклянный пузырёк. Подержала на ладони. Посмотрела на него так, будто надеялась, что он её переубедит. Но нет. Бетти сжала кулак и спрятала пузырёк под подушку.

Из открытого во двор окна Бен что-то спросил. Она ответила, сама не расслышав — что.

Когда Вивьен и Бетти вернулись к столу, Бен заговорил:

— Мы чуть не забыли, зачем приехали, миссис Морт, — и поставил на стол тёмную бутылку вина. На этикетке красовалась статная женщина в облегающем платье. — Вам стоит быть осторожнее с вашим мужем.

— Простите, — усмехнулась Вивьен, — но какое отношение мой безродный муж имеет к заграничному вину?

Она наткнулась на серьёзные взгляды обоих.

— Бенджамин сам купил его — в порту, в нескольких милях от Ротенвудена, — сказала Бетти.

— Вам ли не знать об охоте на ведьм, миссис Морт, — прибавил Бен. — О вашем замужестве судачат во всём округе. И, поверьте, сейчас вам очень везёт жить в такой глуши: за пол года в городах стало совсем жутко.

— Ты должна помнить Лили, — тихо сказала Бетти. — Содержанку мистера Симпсона. Её сожгли по доносу самой госпожи Симпсон. И без суда.

— Господи... — проговорила Вивьен. — Но при чём здесь Гарет? При чём вино?

— При том, миссис Морт, — ответил Бен, — что вашему мужу теперь достаточно одного доноса. Благодарите Бога, что он у вас невежда и от политики далёк, как от луны. Но донос — ещё не худшее из того, что может случиться. Вас могут продать.

— Продать, господин Харрисон? — посмеялась Вивьен. — А разве я ещё не продана? Бен пропустил её колкость.

— Вино поставляет Высший Икалиф. Вы, разумеется, о таком государстве не слышали — о нём никто не слышал, пока у нас не возродилась охота.

Он достал из кармана брошюру и протянул ей. Вивьен прочла первые строки: «Высший Икалиф — место всякой жены Евинной».

— Целая страна, миссис Морт. Там всякую женщину почитают ведьмой — по одному факту рождения. Их, конечно, не казнят, как у нас. Но говорят — там случаются вещи похуже. — Он помолчал. — В нескольких милях от вашей фермы открыта их лавка. Тем, кто приводит жену, сестру, мать — кого угодно, дают хорошие деньги. И в придачу вот эти брошюры.

«Да за что же меня постигла эта кара Божья? — спросила себя Вивьен. — Неужто придётся влюблять в себя Гарета Морта, чтобы он не купился на уговоры заграничных торгашей?»

Она покрутила бутылку в руках. На этикетке, чуть выше тоненькой премиленькой леди, значилось: «Дом Диавалей». Сквозь пыльное тёмно-зелёное стекло виноградный сок казался чёрной бурлящей жижей. Вивьен вдруг представила: толпа выживших из ума мужчин, по колено в этом вареве, складывают ладони лодочкой, зачерпывают жидкость и льют в свои гого-чущие рты.

Опомнившись, она снова взглянула на очаровательную девчущку с этикетки, решила, что впустила в голову какой-то вздор — но на всякий случай спросила:

— А не подсыпано ли чего в эту бутылочку?

— Если бы и подсыпали — продавали бы женщинам, а не мужчинам.

— Верно говорите, мистер Харрисон. В таком случае — поухаживайте за дамами.

Пожалуй, не насладиться вином Диавалей стало бы большой ошибкой: этот заграничный напиток был на ферме всем, что могло одновременно попасть в желудок и напомнить об утраченных прелестях жизни.

Получаса и скованной улыбки молодого мужчины оказалось довольно, чтобы из головы Вивьен Бартлетт выветрились все волнения и страхи. Захмелевшая, расслабленная, она не выпускала Бенджамина из паутины, сплетённой колкими и бесстыдными фразами. Вивьен казалась себе интереснейшей, умнейшей женщиной — несомненно затмевающей молчаливую безучастную Бетти.

И чем сильнее сгущались тени, тем быстрее менялось выражение лица Элизабет — словно ночь куда-то её торопила. В начале ужина она ещё пылала от ревности, а теперь смотрела на Вивьен сожалеющим, всепрощающим взглядом. А та, растеряв всю свою осторожность, продолжала ловить внимание Бенджамина — и к концу вечера уже точно знала, что мистер Харрисон бессовестно забыл о жене и взгляды его устремлены только к телу Вивьен.

Дело было почти сделано, и она не нашла ничего менее вульгарного, чем уронить бокал.

— Я подниму, миссис Морт, — отозвался Бен; голос его был уже не совсем твёрд.

Вивьен, как и требовалось, изобразила, что ничего не услышала. Когда их руки встретились под столом, она вложила ему в ладонь записку: «Амбар. Как только Бетти уснёт».

— И прошу вас, — добавила она вслух, — не зовите меня миссис Морт. Я всё ещё Вивьен Бартлетт.

Сказав это, она не смогла скрыть брезгливости — потому что подумала о встрече в амбаре, обречённой стать единственным её спасительным воспоминанием.

Вивьен томилась в амбаре. Запах старого дерева и пыльного зерна уже вьелся в её волосы и платье. Бенджамин не приходил, и в её охмелевшей голове воображалось всё, ради чего она так покорно ждала мистера Харрисона.

«Мерзавка Бетти! Что-то заподозрила — и не спит», — думала Вивьен, изнывая по чему-то такому, чем Бенджамин должен был оказаться лучше Гарета.

Она сидела на земле и от жары в амбаре пьянела ещё сильнее. Скоро веки её потяжелели, и она вспомнила, сколько всего пережила за этот день. Теперь отдых остался её единственным желанием.

Сон подходил. Вдруг ворота амбара приотворились, и из-за них показались пышные муслиновые юбки Бетти. Освещённая тёплым мерцанием старого подсвечника, она шагнула внутрь и разом оживила пыльный закуток, где Вивьен ещё недавно собиралась предаться страсти.

— Прости меня, дорогая, — сказала Бетти и встала перед чёрной тучкой, которой казалось платье сестры.

Вивьен мысленно выругалась за то, что пригубила лишнего. Язык заплетался, ноги предательски подкашивались. Ей хотелось создавать иное впечатление.

— О, не надо жалости, Бетти. Напоминаю: я хотела соблазнить твоего супруга. Но ты бы, поверь, очень скоро на меня разобиделась. Мы с тобой одной породы. Из-за мужчины мы не поссоримся. — Вивьен кое-как поднялась на ноги.

— Если бы дело было только в муже, милая, я бы и приехать не стала. Я такого от тебя и ждала. Дело не в нём.

— Так в чём же, Бетти?

Бетти не ответила сразу. Она взяла руку сестры, разжала ей пальцы и вложила в ладонь маленький коричневый пузырёк.

— Что это? — Спросила Вивьен, а потом прочла этикетку. — Цианид?

— Подумай, Вивьен. Может ли с тобой теперь случиться что-то лучше быстрой смерти?

Вивьен крепко сжала пузырёк в кулаке — и расхохоталась.

— О, Бетти, неужели ты хочешь, чтобы я умерла? Ведь мысль о тебе — всё, что меня здесь держало. А тебе это не впрок. Почему же всё так?

— Потому что всё кончено, — отрезала Бетти, и с её лица наконец-то сошло равнодушие. — На тебе клеймо ведьмы, Вивьен. А ты ведь смолоду себя в руках не особо держала. Вспомни, чего пару часов назад добивалась от Бена.

— Да. Добивалась. А что мне терять, Бетти? Тебя, так и так, скоро снова не будет рядом.

— Я говорила тебе за столом о том, что терять. Ты неисправима! Скоро на тебя донесут, Вивьен. Гарет или кто другой — какая разница. А я пойду следом, потому что теперь все думают, что такая чертовщина в крови.

— Вздор...

— Не вздор. Смерть от огня мучительна, Вивьен. А ещё мучительнее — прожить всю жизнь с Гаретом и не найти любви на стороне. Не мучь себя. Несколько секунд — и ты свободна.

— Но я хочу жить, Бетти.

— Глупости. Ночи с Гаретом, эта зловонная ферма, тряпки да грядки. Жить — это ведь быть в этом день изо дня. Ах, да ты и сама всё знаешь.

— Замолчи! Замолчи! Замолчи! — закричала Вивьен и схватилась за голову. — Кто занёс это тебе в голову, Бетти? Ты ведь была такой же, как я, — я бы никогда, никогда так тебе не сказала! Это Бен? Он тебя надоумил? — Она взяла сестру за плечи. — Нет никаких ведьм, Бетти, это мужчины всё выдумали. Мужчины приходят к нам забавы ради. Их сотни, а мы друг у друга одни.

— Не смотри на меня этими проклятыми глазами, Вивьен. — Бетти оттолкнула её. — Я больше не такая, как ты. И слава Богу — иначе уже лежала бы в каком-нибудь таком же затхлом сарае. Я донесу на тебя पहले Гарета, слышишь? И буду чиста. У меня твоя записка. Этого хватит.

Бетти было собралась уходить — но Вивьен упала ей в ноги, обхватила колени и прижалась щекой к подолу.

— Один только день, Бетти, один только день, — взмолилась она — Завтра же ночью всё будет кончено. Только останься ещё на день. Проведи его со мной, как раньше, и душа моя будет спокойна. Прости меня за Бена. Прости за всё. Я люблю тебя, и это всё, что я чувствую к этому миру. Если бы только он был другим, Бетти. Мир, в котором отец не лишился ума, в котором мы дома, и у меня ещё много-много дней рядом с тобой. Подари мне такой мир — на один завтрашний день. Это всё, о чём я прошу.

Бетти погладила её волосы.

— Я буду рядом до самой смерти, — сказала она и ушла.

Вивьен Бартлетт держала вожжи в руках, только если её распушенный рассудок соглашался оправдать чувственные порывы. В эту ночь, перестав слышать цоканье чужих каблучков, она думала только о плане Бетти.

«Устала я, — убеждала себя Вивьен. — Разве не для счастья жизнь придумана? Поднатужился по молодости, ухватил своё — и живи в удовольствии. Но если бы у всех так выходило, всем бы счастья и не хватило. Значит, кому-то всегда достаётся моё.

А всё-таки ничегошеньки мне больше не хочется. Смотреть на счастливую Конни, спать с Гаретом, работать в поле. Кому оно надо, Вивьен? Всякий умный человек уже лежал бы в гробу — а ты всё обслуживаешь безродных существ. А что значит смерть? Ни унижения, ни страха, ни усталости. Вот бы ничего не чувствовать. Вот в чём есть счастье. Хорошо, что Бетти приехала и поведала мне эту истину».

Таковы были доводы её уставшего ума. Но прохладный вечер, сменивший дневное пекло, позволил Вивьен подглядеть за собой из-за приоткрытых ворот амбара. Это был вечер ещё лучше тех, какие утешали её в перерыве между трудным рабочим днём и мучительной ночью с Гаретом. Ещё не остывший ветер поглаживал щёки Вивьен и навеивал ей мысли о том, что именно такими бывают поцелуи молодого мужчины. Этот ветер осторожно гнал несурзные тучки в края, в которых ещё не бывала Вивьен, и в которых, быть может, нашелся бы человек, знающий её так, как она знает Бетти. Отсыревшая лавка у калитки, пляшущие ветви ив, ночная живность — всё, что много дней её успокаивало, теперь звало попрощаться. И она пошла на этот зов, уже догадываясь, что сегодня рассудок не сможет оправдать её упрямого желания жить.

Вивьен и не думала, что здесь, у пыльной грунтовки, можно не только раствориться в забвении, но и встретить новую любовь. Об этом знала только самая светлая и самая маленькая женщина на ферме, и она сегодня вовсе и не ложилась спать. Конни была с Джоном Миллером, молодым почтальоном, однажды оказавшимся на ферме с той же случайностью, с какой шиллинг попадает в руки нищего. В сумерках их силуэты напоминали влюблённых из книг. Рыжая голова Конни лежала на плече некрасивого мужчины, и это прикосновение было единственным резким мазком на картине их робкой, ещё неосознанной влюблённости.

Вивьен увидела их издали — и остановилась. Пузырёк в кулаке как будто потяжелел. Она стояла в темноте и смотрела на чужое беспощадное счастье.

«Вот уж сумела выудить нужную минутку, — думала Вивьен. — И, главное, все про неё и думать забыли. Кому на случку, кому вешаться. Вот она — жизнь милосердная. Что теперь сделаешь...»

Она вышла из-за кустов и ошарашила парочку:

— Вот так любименькая племянница... Как же не стыдно, Констанция Морт!

Конни подорвалась и отошла от Джона. Даже в сумерках были видны её пунцовые щёки.

— Мы ничего, мы ничего не делали, мы просто болтали! — затараторила она.

— В такой час? — возмутилась Вивьен. — Спасибо Господу, соседей нет. Хотя от сплетен и это не убережёт. Позорище! Что скажет бедный Гарет, когда узнает?

— Не говори ему, Вивьен, прошу тебя, — начала умолять Конни, — я всё-всё буду за тебя делать дома, только ему не говори.

— Она ни в чём не виновата, миссис Морт, — перебил почтальон и встал между Конни и Вивьен. — Мы греха не совершили, поклясться готов. Если надо — женюсь.

— Бегом домой, Конни, — приказала Вивьен. — Я сама здесь разберусь. А завтра тебе всё равно будет взбучка, не надейся на своего дружка.

Конни развернулась и побежала к ферме.

— Я всё понял, миссис, — продолжил Джон. — Завтра я приду к мистеру Морту просить руки Конни.

Он показался Вивьен чересчур молодым и наивным. Внешне Джон уступал и Бенджамину Харрисону, и даже Гарету Морту в молодости. Похвастаться он мог только решимостью, с которой заступился за Конни. Но сейчас именно Джон стоял перед Вивьен. И, должно быть, судьба наградила его способностью встречать женщину в тот самый миг, когда ей необходимо посчитать его привлекательным.

Вивьен села на лавку и стёрла со лба пот.

— Чёрт с вами, делайте, как считаете нужным. Мне уже, так и так, до этого дела не будет.

— Правда? И вы совсем на меня не злитесь? Вы не думайте, что я так спрашиваю, будто вам есть за что злиться, миссис Морт, но ситуация...

— Как вас зовут? — перебила его Вивьен.

— Джон Миллер, миссис.

— Мне даже не хочется на вас злиться, Джон. По правде говоря, мне хочется только, чтобы вы меня поцеловали.

Джон Миллер знал Вивьен не больше получаса — и за это время она успела поразить его дважды.

— Поцеловать вас? А как же Конни? И ваш муж? Миссис Морт, вы нехорошо выглядите — совсем обессилели. Может, вы бредите?

— Даже дураку понятно, что женщинам лучше не говорить, как они выглядят, — обиделась Вивьен. — Да и разве я похожа на человека, не способного сохранять трезвость ума?

Она подошла так близко, что он почувствовал запах амбара и выпитого ею вина.

— Простите, я не хотел сказать, что вы некрасивы или глупы. Нет-нет. Вы очень изящная женщина. Но как же я вас поцелую при наших обстоятельствах? Подумайте сами.

— Я уже всё обдумала, Джон. Забудьте про Конни — у неё ещё будет шанс поцеловать вас и даже успеть устать от ваших поцелуев. Гарет пусть вас тоже не волнует. Его здесь нет, а ему и так повезло в жизни. Иметь верную жену — это уж слишком много. Сейчас вас должна волновать только я — потому что только я смогу оценить ваш поцелуй по достоинству.

Как бы ни настораживали нас отчаявшиеся люди, немногие умеют уйти от них вовремя, поскольку кажется, что только отчаянные способны превратить нашу жизнь в бурлящий поток интересного и неизведанного. Именно поэтому Джон Миллер не оставил Вивьен одну. Она разбудила в нём любопытство — и он не смог не спросить:

— Почему только вы оцените мой поцелуй по достоинству, миссис Морт?

— Да это же очевидно, дорогой Джон. — Вивьен почти вскрикнула. — Знаете, сколько лет моему мужу? Пятьдесят три года, представляете? И ничего, кроме прикосновений его стар-

ческих губ, я не знаю. — Она прижала руки к сердцу. — Если бы вы меня один разок поцеловали, Джон, я бы спаслась этим воспоминанием, когда буду в его руках.

Вивьен встретила сердобольного, неопытного мужчину, голову которого легко вскружило её откровение. Была в нём особенность, о которой он и сам ещё не догадывался: ему почему-то лучше удавалось любить несчастных и гадких женщин.

За долю секунды он успел пожалеть, что не знал Вивьен раньше и не женился на ней прежде Гарета Морта.

Джон не смог отвергать её дольше. Он привлёк её к себе и стал целовать в губы — с таким желанием, что порой ему не хватало воздуха. Он трогал её плечи и талию и думал только о том, насколько хорошо у неё получится запомнить это мгновение.

Когда Джон отстранился, Вивьен схватила его за рукав.

— Вы только не забывайте, Джон: я просила об одном поцелуе. С завтрашнего дня вы должны думать только о Конни. И не смейте ко мне навещать.

— Я понял, миссис Морт.

— Вы расстроены, дорогой? Поверьте, оно того не стоит. Сегодня вы ещё можете меня любить. Ну же, милый: поцелуйте мою руку и возвращайтесь домой.

Джон чмокнул её пальцы и, как болван, развернулся в сторону дома. Он чувствовал себя заколдованным. Ни одна мысль не шла в его голову — он только ждал, когда ляжет в кровать, чтобы хорошенько всё обдумать.

— Джон! — крикнула ему вслед Вивьен. — А где же вы живёте?

— В Линдоне, миссис Морт. Это в тридцати милях отсюда.

— Как далеко... Это случайно не по пути в Ротенвуден?

— О, нет. Ротенвуден в противоположной стороне.

— Замечательно, Джон. Спасибо тебе. Будь счастлив! — прокричала Вивьен и, не дожидаясь ответа, побрела к дому.

Зря Джон Миллер переживал о том, как хорошо все отложится в голове Вивьен. Она запомнила каждое его прикосновение, настроение ветра и щекотание травинки под ногами. Так устроен человек: на всю жизнь он запоминает миг, в который передумал умирать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.